

Научная статья
УДК 34.03

Добросовестность в структуре правового поведения: теоретические и частноправовые аспекты

Артем Григорьевич Репьев, доктор юридических наук, доцент

Российский университет транспорта
Москва (127994, ул. Образцова, д. 9, стр. 9), Российская Федерация
repev-artem@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0718-698X>

Аннотация:

Введение. Статья представляет собой попытку автора обратиться к феномену «добросовестность» с точки зрения общетеоретического понимания применительно к структуре правового поведения. Выдвигается и аргументируется гипотеза о связи таких нетипичных форм правового поведения, как злоупотребление правом и обход закона через концепт добросовестности. Цель: восполнить отсутствие в юридической науке и практике сформированного представления о критериях добросовестного поведения участников правоотношений. Посредством восприятия феномена «добросовестность» в единстве естественно-правового и позитивистского правового понимания, формируется авторский подход его позиционирования как ключевого ценного критерия отграничения правомерного поведения от противоправного и «пограничного» (по примеру обхода закона).

Методология. Используется совокупность средств научного познания, при всем многообразии которых основными при подготовке рукописи статьи выступили диалектический метод, а также формально-юридический подход, реализуемый для анализа и толкования норм законодательства, судебной и иной правоприменительной практики.

Результаты. Осуществлен юрико-лингвистический анализ, а впоследствии на его основе – сущностное рассмотрение феномена «добросовестность» с позиции как доктрины права, так и современной правоприменительной практики и законодательства. Совокупное изучение общенаучной и справочной литературы, действующих нормативных правовых актов и официальных документов правоприменения показало, что добросовестность представляет собой способность личности самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности и обеспечивать их исполнение; формировать внутренние табу на основе осознания долга и ответственности перед обществом; а также осуществлять постоянную внутреннюю критичную самооценку совершаемых действий и бездействий на предмет соответствия морали. Констатируется, что в юридической доктрине и правоприменительной практике необходимо сформировать критерии добросовестного поведения субъекта правоотношений, которые в авторской концепции сводятся к следующим: открытость и честность намерений вступления в правоотношения; достоверность и своевременность взаимно транслируемой информации; прогнозируемость действий; сдержанность правовой активности, кратность процедурных действий; готовность оказания взаимного содействия; соответствие деловым обыкновениям (устоявшимся, традиционным правилам поведения). Предпринятая попытка может способствовать не только повышению эффективности правового регулирования на основе принципа добросовестности в частноправовых отношениях, но и повышению общего уровня доверия граждан к нормам законодательства и правовым позициям органов государственной власти, формируемым на основе интерпретации концепта добросовестности.

Ключевые слова:

добросовестность, обход закона, злоупотребление правом, мораль, нравственность, ценность

Для цитирования:

Репьев А. Г. Добросовестность в структуре правового поведения: теоретические и частноправовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 52–58.

Статья поступила в редакцию 31.05.2025;
одобрена после рецензирования 02.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Good faith in the structure of legal behavior: theoretical and private law aspects

Artem G. Repev, Doc. Sci (Jurid.), Docent

Russian University of Transport
9, Bld. 9, Obraztsova str., Moscow, 127994, Russian Federation
repev-artem@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0718-698X>

Abstract:

Introduction. This article represents the author's attempt to address the phenomenon of 'good faith' from the perspective of a general theoretical understanding the structure of legal behaviour. The research makes a hypothesis suggesting a connection between such uncommon forms of legal behaviour as abuse of right and circumvention of law through the concept of 'good faith'. Purpose: to fill the gap in legal science and practice regarding a formed understanding of the criteria for the good faith behaviour of participants in legal relations. By perceiving the phenomenon of 'good faith' through the unity of natural law and positivist legal understanding, the author forms his own approach to positioning it as a key valuable criterion for distinguishing lawful behaviour from illegal and 'borderline' behaviour (using circumvention of law as an example).

Methodology. A set of scientific cognition tools is used. Despite their diversity, the primary methods employed in preparing the manuscript were the dialectical method, as well as the formal legal approach implemented for the analysis and interpretation of legislative norms, judicial and other law enforcement practices.

Results. A legal-linguistic analysis was carried out, and subsequently, based on it, a substantive examination of the phenomenon of 'good faith' was performed, which served as the foundation for a substantive inquiry into the concept of 'good faith', examining it through the lens of law doctrine, contemporary jurisprudence, and legislation. A comprehensive study of general scientific and reference literature, regulations, and official law enforcement documents revealed that 'good faith' represents an individual's ability to independently formulate self's moral duties and ensure their fulfillment; to form inner taboos based on an awareness of duty and responsibility to society; and to conduct constant internal critical self-assessment of actions and omissions for their compliance with morality. The article states that legal doctrine and law enforcement practice need to develop criteria for good faith behaviour of a subject of legal relations, which, according to the author's concept come down to the following: openness and honesty of intentions when entering into legal relations; reliability and timeliness of mutually transmitted information; predictability of actions; restraint of legal activity, reasonableness of procedural actions; readiness to provide mutual assistance; compliance with business customs (established, traditional rules of conduct). This endeavor may not only contribute to increase of the effectiveness of legal regulation based on the principle of good faith in private law relations but also to raise general level of citizens' trust in legislative norms and legal positions of public authorities formed on the basis of the interpretation of the concept of good faith..

Keywords:

good faith, circumvention of the law, abuse of right, morality, ethics, value

For citation:

Repev A. G. Good faith in the structure of legal behaviour: theoretical and private law aspects // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. No. 3 (107). P. 52–58.

The article was submitted May 31, 2025;
approved after reviewing July 2, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

*Ни один народ не смог бы выжить,
не производя оценки – что есть добро и что есть зло.
Заратустра¹*

Введение

Типология правового поведения, разработанная фундаментальными исследователями юридической стороны человеческой природы действий (и бездействий) [1; 2], сегодня, по всей видимости, требует определенной актуализации.

Классическое деление форм правового поведения на правомерное и противоправное не всегда в полной мере характеризует поступки человека. В условиях влияния цифровизации, перманентного кризиса экономики появились нетипичные формы правового поведения, можно сказать, «пограничные», стоящие на стыке правомерного и противоправного, балансирующие между ними. Формально они могут характеризоваться отсутствием признаков нарушения

¹ Цит. по: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2018. 544 с.

правовой нормы, но по существу будут отличаться или даже противоречить целям правового регулирования, исказить основы правопорядка. Одной из таких нетипичных форм правового поведения является «обход закона».

Для цивилистики «обход закона» категория если и не всецело устоявшаяся, то не новая, во всяком случае. Известны работы А. И. Муранова², Е. Д. Суворова [3] и других, в которых с определенных сторон авторы раскрывали особенности поведения участника гражданских правоотношений, совершающего действия в обход закона. Этого нельзя сказать об исследованиях общетеоретического характера. С позиции теории права феномен «обход закона» редко фигурирует в публикациях, а сама юридико-лингвистическая конструкция только начинает привлекать внимание ученых-теоретиков [4; 5].

Не менее сложным как в онтологическом смысле, так и формально-юридическом является такое явление, как злоупотребления правом. Снова стоит отметить, что для цивилистики категория «злоупотребление правом» основополагающая, если не сказать больше, – характеризующая специфику отрасли. Частноправовые отношения нередко создают иллюзию максимальной свободы, однако, как известно, субъективное гражданское право должно иметь пределы. Поиск, установление таких границ – задача не из легких, непосредственно детерминирующая конструкцию злоупотребления возможностями. Не случайно проблематика свободы поведения и злоупотребления правом представляла собой актуальное направление научного дискурса еще в римском частном праве [6]. Она не потеряла своей актуальности и сегодня.

В наше время частноправовой срез злоупотребления субъективной возможностью индивида проецируется на самые различные правоотношения, формирующиеся и развивающиеся в области как материального права (регулирующего вопросы трудовых отношений [7], транспорта [8], корпоративных связей [9] и пр.), так и процессуального [10; 11].

Ранее мы обращались к проблематике нетипичных или «пограничных» форм правового поведения и, несмотря на присутствующие в науке точки зрения относительно отождествления обхода закона и злоупотребления правом, аргументировали свою позицию о самостоятельности данных феноменов³ [12; 13].

Как видится, феномен злоупотребления в праве весьма широк по своему проецированию на общественные отношения и не ограничивается лишь выходом субъекта за рамки своих субъективных возможностей. Феномен злоупотребления стоит на стыке позитивистского и естественно-правового понимания. Возможно, для его правильной и целостной интерпретации необходимо обращаться к иным концепциям постижения духа права, интегративным по своей сущности.

Думается, не стоит повторять сказанное ранее, поэтому здесь лишь отметим безусловную связь данных не совсем типичных форм правового поведения. Связь эта, полагаем, определяется наличием в структуре правомерного поведения такой характеристики, как добросовестность, выступающей ценностным и формально-юридическим основанием отграничения правомерного поведения от любого иного.

Методы

Представленное исследование построено на фундаментальных законах диалектического познания, а также общенаучных и частнонаучных подходах, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, системный методы. Начав с филологического (общеязыкового) понимания термина «добросовестность», применяя методы герменевтики, осуществлено толкование словообразующих лексем (добро, совесть и др.) и смысловых антиподов (зло, бесчестие и пр.), автор переходит к установлению формально-юридических критериев добросовестного правового поведения. Применяя системный метод, аргументируется общеправовой характер феномена «добросовестность», проецирующийся в т. ч. на отраслевые правоотношения. Базируясь на сравнительно-правовом подходе, сопоставляются общеправовые аспекты добросовестного правового поведения со спецификой частноправовых отношений.

Обсуждение

Добросовестность, исходя из анализа отечественного законодательства, формально-юридически выступает как «предел осуществления гражданских прав» (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴), тогда как содержательно является принципом

² См.: Муранов А. И. Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999. 272 с.

³ См.: Репьев А. Г. Юридические феномены «злоупотребление» и «дискриминация» в контексте существования правовых преимуществ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 86–95. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-2-86-95>

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1994. № 32. Ст. 3301.

частноправовых отношений⁵, технико-юридически закрепленным в форме правовой презумпции⁶, обеспечивающим стабильность правовой системы, поскольку «в силу своей универсальности распространяется на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах жизнедеятельности»⁷.

Несмотря на тот факт, что категория добросовестности является далеко не новой для цивилистической науки⁸, до настоящего времени не сформулированы конкретные критерии, характеризующие правовое поведение как добросовестное. Более того, даже и общие ее очертания весьма размыты. Как правило, в рамках судебной интерпретации субъекты толкования отталкиваются от обратного – предлагают примеры недобросовестного поведения. В частности, такие формы деяний, как намеренное изменение подсудности, предъявление надуманных исковых требований были сформулированы и обозначены как недобросовестные в одном из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2017 г. № 36-КГ16-26⁹.

Прежде чем предлагать критерии добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, остановимся на его сущностном, общетеоретическом восприятии. Убеждены, что это имеет весьма ценное не только методологическое, но и практическое значение.

Начать видится уместным с филологического анализа категории «добросовестность», краткой характеристики ее этимологии, что, возможно, даст ответ на вопрос о причинах появления в текстах нормативных правовых актов. Так, добросовестность в русском языке является сложным словом, образованным двумя семантическими единицами: «добро» и «совесть». Обе они имеют ярко выраженное нравственно-этическое значение и оценочное толкование. Более того, «добро» – одна из ключевых категорий этики, позволяющая через сопоставление с категорией «зло» разграничивать моральное и безнравственное поведение.

По своему содержанию «добро» представляет собой максимально абстрактную модель наиболее желаемого поведения и оценки окружающей обстановки, заслуживающей одобрения¹⁰. Примечательно, что марксистская этика в понимании категории «добро» ориентировалась на объективные тенденции общественного прогресса, считая соответствующим добру все, что способствует освобождению трудящихся от эксплуатации¹¹. Сегодня мы можем заключить, что классические этические концепции создали основу для того, чтобы именно понятие «добро» впоследствии стало проецироваться на более привычные юридическому сознанию нравственные категории справедливость, гуманизм, уважение и пр. С учетом устоявшегося в позитивизме восприятия понятия «добро» через призму конкретных эмоций человека, а также проецирования оценки «доброе – злое» на общественные отношения, логичным выглядит его связь с другой этической категорией – совестью.

Последняя, как известно, представляет собой способность личности (именно ей, в отличие от абстрактного «человека», свойственно внутреннее самоограничение) к моральному самоконтролю¹². Литература по этической мысли позволяет предложить авторскую конструкцию совести, базирующуюся на трех элементах:

– способность личности самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности и обеспечивать их исполнение;

⁵ Одной из первых официальных позиций, позволяющих воспринимать добросовестность в качестве принципа осуществления гражданских прав, выступает интерпретация данного феномена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации (далее – Бюллетень ВС РФ). 2022. № 3).

⁶ Формулировка закона, а также правовые позиции судов указывают на презюмируемый характер добросовестности участников гражданских правоотношений, которая «предполагается, пока не доказано иное» (Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2023) // Бюллетень ВС РФ. 2024. № 2).

⁷ По делу о проверке конституционности пункта 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в связи с жалобой гражданина В. В. Сонины : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2020 г. № 16-П // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3220 ; По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2023 г. № 6-П // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

⁸ См., например: Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. 537 с. ; Коренченко Р. Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 209 с.

⁹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2017 г. № 85-КГ16-13 // «ГАРАНТ.РУ» : [сетевое издание]. URL: <https://base.garant.ru/71612652/> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁰ Словарь по этике / Адо А. В., Андриевская М. И., Архангельский Л. М. [и др.] ; под ред. И. С. Кона. 4-е изд. Москва : Издательство политической литературы, 1981. С. 73.

¹¹ Краткий словарь по философии / Азаров Н. И., Айзикович А. С., Аникеев Н. П. [и др.] ; под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. 4-е изд. Москва : Политиздат, 1982. С. 80.

¹² Там же. С. 313.

– формировать внутренние табу на основе осознания долга и ответственности перед обществом;

– осуществлять постоянную внутреннюю критичную самооценку совершаемых действий и бездействий на предмет соответствия морали.

При этом обозначенные элементы конструкции совести базируются на таких качествах личности, как честность, рачительность, нравственная устойчивость (т. е. способность противостоять внешним манипуляциям). Данные качества сопровождаются естественными для добросовестного, глубоко морального человека внутренними переживаниями (в просторечии – «угрызениями совести»).

Результаты

Тезисный филологический и этимологический анализ феномена «добросовестность», а также ознакомление с решениями судебных органов и иной правоприменительной практикой позволяет сформировать следующие критерии, характеризующие поведение субъекта гражданских правоотношений, как добросовестное:

– *Открытость и честность намерений вступления в правоотношения.* Честность как морально-этическая категория оценки поведения субъекта характеризуется четким соответствием действий лица с их истинным замыслом. Так, исходя из анализа судебной практики, участник акционерного общества, к примеру, проявляющий интерес к получению информации об обществе, при этом в действительности ориентирующийся не на благое участие в управлении деятельностью хозяйственного общества, не на защиту прав и законных интересов общества, а на причинение обществу вреда, действует недобросовестно¹³. Аналогичное требование честности участия в правоотношениях относится и к совершению лицом действий, которые по форме соответствуют нормативным установлениям закона и обычаям гражданского оборота, но по содержанию являются вредными (совершение сделки на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с лицом, заведомо неспособным исполнить обязательство¹⁴).

Сказанное в определенной мере обуславливает следующие критерии:

– *Достоверность и своевременность взаимно транслируемой информации.* Участникам отношений должно быть гарантировано право своевременно узнать о таких сторонах сделки, как финансовое положение общества, состояние документации и пр.¹⁵. Подобный критерий добросовестности обеспечивает возможность защиты нарушенных прав и законных интересов в соответствии с юридической процедурой (в установленные законом сроки, с применением соответствующих обеспечительных мер и пр.). В частности, предоставление недостоверной, несвоевременной информации выступает одним из оснований внесения в реестр недобросовестных поставщиков¹⁶.

– *Прогнозируемость действий.* Предсказуемость, а по возможности планируемость поведения участников гражданских правоотношений – одно из важнейших требований повышения эффективности не только частноправового сегмента правореализации, но и в целом условие сохранения правопорядка в обществе, упрочения баланса публичных и частных интересов правового регулирования, интерпретации и реализации¹⁷ [14]. Так называемое качество «ожидаемости» поведения участника гражданского оборота позволяет учитывать права и законные интересы другой стороны правоотношения, на что ранее указывали судебные органы¹⁸. Прогноз потенциальной вероятности наступления каких-либо последствий – фундаментальная

¹³ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 февраля 2023 г. № Ф05-560/2023 по делу № А40-113533/2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=464654#2ZiOfqUecGqSM5IC1> (дата обращения: 04.05.2025); Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2023 г. № Ф09-3835/23 по делу № А07-5707/2022 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=254086&cacheid=9D35B34CA6D6C36E1BB4C19A7635410B&mode=splus&rnd=ADaYaQ#hIHPFqUyeDuJ8uSk> (дата обращения: 04.05.2025); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 августа 2022 г. № Ф07-9243/2022 по делу № А21-7648/2021 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=268138&cacheid=FE1759AEEE73C24770922DB24BAB879C&mode=splus&rnd=ADaYaQ#B3YPFqUN4TmRtKq4> (дата обращения: 04.05.2025) и др.

¹⁴ О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 июня 2024 г. № Ф01-2249/2024 по делу № А43-25521/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=123483&cacheid=D54D3BB5F60C499B5E5A1A1050FFD963&mode=splus&rnd=ADaYaQ#VY1QFqUeNmtDMbp6> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 июля 2024 г. № Ф08-3944/2024 по делу № А63-689/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=204835&cacheid=0B720AEBB22325A13B16AA155FCF0C5B&mode=splus&rnd=ADaYaQ#M4OQFqUgTJDhZviA> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁷ См. об этом подробнее: Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. 48 с. и др.

¹⁸ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 6 апреля 2022 г. по делу № 88-4919/2022 (УИД 03RS0007-01-2020-003794-72) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=80499&cacheid=20A678B3D0E53527C6F1B3D5211DE570&mode=splus&rnd=ADaYaQ#v1oQFqUHZHE9Pf5> (дата обращения: 04.05.2025); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 июля 2023 г. № Ф05-14237/2023 по делу № А40-212752/2022 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=482532&cacheid=90500FBAEB1EFB3EAE6614D93833F0DA&mode=splus&rnd=ADaYaQ#g18RFqUiENRgmO511> (дата обращения: 04.05.2025).

основа для выстраивания добросовестных отношений с учетом ожидаемых рисков, возможных административных и иных барьеров и пр.

– *Сдержанность правовой активности, кратность процедурных действий.* Если предыдущие критерии характеризовались качественными свойствами, то представленный – количественный показатель, характеризующий конкретное поведение субъекта. Как известно, сочетание количественных и качественных компонентов – неотъемлемое условие диалектического соотношения и предполагает причинно-следственную связь данных критериев. С точки зрения добросовестности правовая активность субъекта, безусловно, должна иметь определенные рамки. Практика показывает, что постоянное изменение исковых требований или дополнение в список запрашиваемых сведений со стороны участников (акционеров) рассматривается арбитражными судами как недобросовестное поведение¹⁹. Аналогичную характеристику и оценку имеет поведение участника, который неоднократно требует предоставления одних и тех же документов²⁰.

– *Готовность оказания взаимного содействия.* Подобный критерий добросовестного поведения участников гражданского оборота нами предлагается в связи позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в одном из решений²¹. К сожалению, авторитетный субъект официального толкования правовых предписаний предметно не детализировал, о каком содействии должна идти речь, поэтому попытаемся с доктринальных позиций его конкретизировать. Как думается, речь может идти о том, что, например, вступая в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения сторонам рекомендуется учитывать интересы каждой стороны, проявлять готовность консенсуального разрешения споров и конфликтов, находить возможность компромиссного разрешения противоречий. К примеру, связку добросовестности и компромиссности действий участников правоотношений мы находим в содержании института банкротства. Так, прибегнув к процедуре банкротства, гражданин приобретает соответствующий статус (гражданина-банкрота), что влечет его освобождение от дальнейшего исполнения требований кредиторов и их последующих правопритязаний (п. 3 ст. 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»²²). Подобный специальный статус позволяет гражданину приобрести в определенном смысле правовой иммунитет, который придаст ему свойство неподверженности финансовым обременениям (в объеме всей задолженности). Иными словами, основными целями института банкротства будут выступать не только обеспечение частных интересов кредитной организации, но и социальная реабилитация гражданина. Однако ввиду того, что приобретение статуса банкрота шаг неординарный, а сама процедура есть крайняя мера по освобождению от долгов (поскольку имеет место ущемление прав кредиторов), цель социальной реабилитации ориентирована исключительно на добросовестного гражданина²³. Следовательно, механизм согласования интересов обеспечивает компромисс между добросовестным должником, стремящимся исполнять свои обязательства (но испытывающим в этом объективные затруднения), и его кредиторами.

– *Соответствие деловым обыкновениям* (устоявшимся, традиционным правилам поведения). Понимание добросовестности как рачительного поведения, не противоречащего сложившимся в предпринимательской среде нормам ведения дел, присутствует в науке [15, с. 89], хотя по-прежнему нуждается в более глубокой конкретизации. Следование деловым обыкновениям ведения дел, исходя из анализа правоприменительной практики, может означать: изменение договорных условий только по согласованию сторон²⁴, условия договора не могут быть явно обременительными для одной из сторон²⁵, заблаговременное предоставление производителем

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 июля 2020 г. № Ф05-10675/2020 по делу № А40-83380/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=355779&cacheid=B6E65B30B19442D7E076643E01CC90EF&mode=splus&rnd=ADaYaQ#ZD0SFqUCACHWsh4l> (дата обращения: 04.05.2025); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 апреля 2016 г. № Ф05-4298/2016 по делу № А41-34922/2015 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=243152&cacheid=8CFDA204E885FE944EC7C2454F7EFFF2&mode=splus&rnd=ADaYaQ#qWFSFqU250Vlh3Fa1> (дата обращения: 04.05.2025).

²⁰ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 апреля 2021 г. № Ф03-2117/2021 по делу № А73-12878/2019 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=119214&cacheid=39C42560110E5A4E718BF958DD141945&mode=splus&rnd=ADaYaQ#5zSSFqUolC9pOAIz> (дата обращения: 04.05.2025).

²¹ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К. В. Матюшова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 14-П // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2748.

²² О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

²³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 октября 2024 г. № Ф05-20782/2024 по делу № А41-57670/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=536413&cacheid=02D8670DE4C0348078988D33DCB7F1B8&mode=splus&rnd=ADaYaQ#ymeTFqUymFihmQHJ> (дата обращения: 04.05.2025).

²⁴ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре : информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2011 г. № 147 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 11.

²⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 83-КГ16-2 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=459617&cacheid=A25030165C6CB9D0829388D1A3FB8D6B&mode=splus&rnd=ADaYaQ#8YJUFqUgnwkvf8x> (дата обращения: 04.05.2025).

(поставщиком) товаров покупателю прайс-листа до подписания контракта и (или) до поставки товара²⁶ и многое другое.

Сказанное выше в определенной мере объясняет точку зрения ряда специалистов, позиционирующих добросовестность как «онтологическое основание обхода закона»²⁷.

3 заключение

В представленном материале автором предпринята попытка общетеоретического рассмотрения феномена «добросовестность» в частноправовых отношениях. Безусловно, ею системобразующее проявление добросовестности в праве не ограничивается. Наука и практика остро нуждаются в установлении критериев добросовестного поведения участников конституционных [16] и административных [17] отношений, субъектов уголовного процесса [18], на что обращает внимание юридическая наука. Однако это, возможно, станет предметом иного исследования.

Подводя итог изложенному выше, отметим, что социальная ценность права, его высокое аксиологическое значение – в защите от всего того, что является олицетворением зла для человека. Конституционный постулат об идеологической основе общества и государства в виде «веры в добро» требует конкретных организационно-правовых элементов механизма реализации. Это должно проявляться не только путем повышения общей гуманности и демократичности государственно-правового воздействия и расширения сферы субъективных возможностей, но и наделения гарантиями последней.

С одной стороны, сегодня мы наблюдаем проявление «веры в добро» на примере таких начал частноправовых отношений, как «добровольность», «добрые намерения» и пр. С другой, речь должна идти и о мерах ответственности для свободы поведения, применении пределов активности воли, мер сдерживания нежелательных действий. Убеждены в свете сказанного, что ограничением, мерой сдерживания излишней свободы выступает императив добросовестности, одновременно являясь критерием отграничения правомерного поведения от любого иного. Следовательно, добросовестность включает в себя нарративы не только формально-юридического, но и иного, культурологического свойства: ценностного, нравственно-этического, духовного и пр.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение : Норма и патология. Москва : Наука, 1982. 287 с.
2. Оксамытний В. В. Правомерное поведение личности. Киев : Наукова думка, 1985. 175 с.
3. Суворов Е. Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. Москва : Издательский дом В. Ема, 2008. 186 с.
4. Баранов В. М. Обход закона: сущность и проблемы противодействия / Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, г. Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 г. / под ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, П. В. Васильева. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 8–34.
5. Игнатьева А. В. Понятие и признаки обхода закона: теория и практика // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 1. С. 290–295.
6. Дзаннини Л. П. Дружба, благодеяние и злоупотребление правом: собирая сведения в разных типологиях сделок // Древнее право. 2015. № 1 (31). С. 130–139.
7. Кузнецова И. А. К вопросу о злоупотреблении правом при изменении условий трудового договора // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 1. С. 35–38. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2025-1-35-38>
8. Каримуллина А. Э. Злоупотребление правом в автотранспортном страховании // Транспортное право. 2024. № 1. С. 24–26.
9. Шевчук Д. А. Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 36–42.
10. Старицын А. Ю. О злоупотреблении правом в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 7. С. 7–10.
11. Тимофеев Ю. А. Злоупотребление правом на примирение // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 16–17.
12. Баранов В. М., Репьев А. Г. Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 39–46.
13. Сенякин И. Н., Репьев А. Г., Торчилин К. Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 272–284. <https://doi.org/10.17223/15617793/474/30>
14. Липень С. В. Прогностическая методология в юридических исследованиях // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 5–13. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.1>
15. Подшивалов Т. П. Запрет обхода закона в российском гражданском законодательстве и судебной практике // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 2. С. 87–115.
16. Крусс В. И. Конституционная презумпция добросовестности и проблемы ее отраслевой «конкретизации» // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 276–289.
17. Балашов А. Н. О проявлении добросовестности в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 3. С. 5–9.
18. Кулик Н. В., Ким А. Д. К вопросу о принципе добросовестности в уголовном процессе // КриминалистЪ. 2023. № 4 (45). С. 66–72.

²⁶ Информация Федеральной таможенной службы от 27 мая 2017 г. «Обзор судебной практики по вопросам применения судами положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 „О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства” // «ГАРАНТ.РУ» : [сетевое издание]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71608772/> (дата обращения: 04.05.2025).

²⁷ Захарова О. Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству : сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 23.